ПОВѢСТВОВАНІЕ ОБЪ АКСАКЪ–ТИМУРѢ. (*)

Теперь буду говорить повѣсть объ Аксакъ–Тимурѣ. Въ городѣ Индостанѣ ханствовалъ сынъ Джингизхана, Джедай–ханъ. И однажды, когда онъ спалъ, привидѣлся ему дурной сонъ. Испугавшись и боязливо проснувшись, вскочилъ онъ, а самъ дрожма дрожалъ. Тогда, собравъ гадателей и чернокнижниковъ, повелѣлъ искать и познать судьбу свою. Итакъ гадатели и чернокнижники сказали: «О, ханъ, мы усматриваемъ въ судьбѣ твоей, что вамъ предстоитъ опасность отъ одного человѣка, вашего же владѣнья, изъ селенія Алмалыкъ. И этотъ человѣкъ сынъ Тунчи, сына Туунчи, сына Улунчи, сына Казанчи; а зовутъ его — Т'рагай. И примѣта этого Т'рагая такая, что у него на плечѣ родименка, а на лѣвомъ глазу бѣльмо. И жена этого Т'рагая беременна; отъ содержимаго въ утробѣ ея дитяти

(*) Переводъ съ Татарскаго, изъ книжки, изданной г. Хальфиномъ въ Казани. Сочинитель рукописи неизвѣстенъ. Переводчикъ рабски придерживался подлинника, слѣдуя за нимъ отъ слова до слова.

постигнетъ тебя смерть и конецъ твой.» Тогда Джедай–ханъ, услышавъ слова эти отъ чернокнижниковъ, повелѣлъ искать, найдти и привести къ себѣ Т'рагая изъ аула Алмалыкъ; и осмотрѣвъ Т'рагая, нашелъ, что дѣйствительно на плечѣ его была родименка, а на лѣвомъ глазу бѣльмо. Джедай–ханъ спросилъ: «гой, Т'рагай, беременна ли жена твоя»? и Т'рагай отвѣчалъ: «такъ точно, беременна». Тогда Джедай–ханъ опять молвилъ: «Т'рагай, твое нерожденное еще дитя угрожаетъ мнѣ смертію; но я изведу его прежде еще, чѣмъ оно на свѣтъ народится». Сказавъ это, велѣлъ онъ захватить и привести жену его. Сумасбродъ этотъ мечталъ въ умѣ своемъ переиначить предопредѣленіе судьбы; а кто и чѣмъ возможетъ измѣнить назначеніе Высочайшаго и Присносущаго? Между–тѣмъ совѣтовали хану убить жену эту, или распороть ей брюхо. Тогда самъ Джедай–ханъ сказалъ: «такъ какъ мнѣ угрожаетъ одинъ только ребенокъ, то его только и умертвить, а матери умирать не должно». Итакъ, поваливши женщину эту, топтали ее

колѣнями, доколѣ она, потерявъ чувства, слегла за–мертво; поднявъ ее, положили на тѣлегу, а сами ушли. И Джедай–ханъ, избавившись отъ бѣды, началъ снова тщеславиться саномъ своимъ и предался ханскимъ занятіямъ. Но потомъ, послѣ нѣсколькихъ дней, бѣдная, за–мертво покинутая женщина, родила сына; и, осмотрѣвъ его, нашли, что онъ былъ хромъ на одну ногу; и сказали: «поелику ребенокъ этотъ не погибъ, не смотря на всѣ истязанія, а перенесъ все, и родился, то душа его вѣрно желѣзная»; по какому поводу и назвали сына этого Аксакъ–Тимуръ (хромой–желѣзный). Племя же Аксакъ–Тимура, носившее названіе «Барласъ», происходило отъ пріемыша воинскаго. Когда отецъ и мать Аксака–Тимура уже скончались и онъ остался сиротою, то некому было призрѣть его и за нимъ присмотрѣть; когда же онъ подросъ столько, что могъ самъ ходить, то ушелъ къ казакамъ, въ городъ Ялгузъ–Тамокы, гдѣ, побывъ нѣсколько времени, нанялся въ пастухи, пасъ телятъ и приманилъ къ себѣ

себѣ же подобныхъ сиротъ безпріютныхъ, пасъ съ ними телятъ, самъ–шостъ или самъ–сёмъ, и игралъ съ ними. И однажды лежалъ Аксакъ–Тимуръ подъ переломленнымъ каштановымъ деревомъ и глядѣлъ, прислонившись, какъ хромой и кривой муравей бился и силился, чтобы взлѣзть на каштановый пень; но, едва немного поднявшись, муравей опять свалился. И снова всячески стараясь удержаться и напрягая всѣ силы свои, взлѣзъ было и взобрался совсѣмъ, какъ опять упалъ на землю. И честной Аксакъ–Тимуръ, глядя, всему этому удивлялся; хромой же муравей съ досадою принялся въ третій разъ взбираться на каштановый пень и наконецъ–таки, за третьимъ пріемомъ, взлѣзъ на пень и взошелъ. Тогда почтенный эмиръ Тимуръ, взявъ примѣръ съ муравья, отъ всего сердца самъ себѣ сказалъ: «О, Аксакъ! видѣлъ ли ты, какъ калѣка этотъ, муравей безъ ноги и безъ глаза, терпѣніемъ и стараніемъ своимъ, падая и опять вставая, взобрался на пень каштана и вышелъ на вершину его? Итакъ,

еслибы я, чрезъ постоянное терпѣніе, содѣлался ханомъ, забиралъ бы города и народы, положилъ бы основаніе владѣніямъ, то не было бы въ этомъ ничего удивительнаго и непонятнаго, если только всемогущій Богъ допуститъ это.» И, сказавъ это, носился онъ всегда съ этою мыслію, самъ же игралъ и бѣгалъ съ упомянутыми ребятишками. Однажды Аксакъ–Тимуръ сказалъ: «гой, молодцы, пойдемте, пойдемте–ка, да поставимъ въ одномъ мѣстѣ какую–нибудь вещь, и кто первый изъ насъ, побѣжавъ, настигнетъ ее, того сдѣлаемъ промежь собою ханомъ». И тѣ ребята, сказавъ «ладно быть тому дѣлу такъ», положили какую–то вещь вдалекѣ, всѣ разомъ пустились къ ней бѣжать, и Аксакъ–Тимуръ самъ также погнался, но не могъ бѣжать наравнѣ съ ними, потому–что былъ хромъ. Одинъ же изъ ребятъ тѣхъ, обогнавъ всѣхъ, уже совсѣмъ думалъ–было схватить поставленную вещь и сдѣлаться ханомъ, когда Аксакъ–Тимуръ прежде его еще, кинувъ шапку свою, сбилъ помянутую вещь, а самъ закричалъ: «гой, молодцы, я

прежде всѣхъ васъ достигъ меты, я же буду и ханомъ!» Но первый отвѣчалъ: «нѣтъ, я прежде тебя прибѣжалъ и взяль». И на это Аксакъ–Тимуръ: «гой ты, коли твоя рука дошла первая, такъ у меня голова напередъ всѣхъ была тамъ!» И такими словами продолжали они спорить, когда подошелъ бѣлобородый старикъ; и они, разсказавъ старику этому все дѣло, спрашивали, кому изъ нихъ принадлежитъ ханство? Старикъ же имъ на это молвилъ: «послушаетесь ли вы словъ моихъ?» Они же: «гой, старикъ! мы положились на тебя; ты рѣшай дѣло наше». Тогда старикъ тотъ сказалъ: «гой молодцы! голова хромаго Аксака дошла прежде рукъ вашихъ; признавайте же его ханомъ; его слова — слова правды». Тогда всѣ ребята сказали: «ладно, старикъ, пусть такъ будетъ; такъ и сдѣлаемъ!» И, учредивъ Аксака промежь собою ханомъ, продолжали играть. И однажды Аксакъ–Тимуръ сказалъ: «гой, молодцы! кто изъ насъ, изъ пастуховъ, зарѣжетъ теленка, да накормитъ всѣхъ прочихъ до–сыта, того промежь собою возведемъ въ ханы». Тогда

ни одинъ изъ ребятишекъ не посмѣлъ зарѣзать теленка. Аксакъ–Тимуръ же, зарѣзавъ теленка и сваривъ его, накормилъ всѣхъ ребятишекъ. А съѣвши теленка, еще разъ признали промежь–собою Аксакъ–Тимура ханомъ. Потомъ, когда они, возвратившись, пришли домой, сказали хозяину того теленка: «теля твое волки съѣли!» Хозяинъ же, не сказавъ ничего, отвѣчалъ только: «знать это волчья доля». И однажды Аксакъ–Тимуръ опять сказалъ ребятамъ этимъ: «гой, ребята, пойдемте–ка теперь въ разбойники! станемъ грабить богачей и купцовъ, да отбирать добро ихъ!» И когда ребята тѣ молвили: «пожалуй, быть тому дѣлу такъ»; то Аксакъ–Тимуръ имъ сказалъ: «наказъ вамъ отъ меня теперь такой: чтобы всѣ вы отнюдь ничего болѣе съ собой не забирая, въ эту же ночь набрали оружія». Тамъ стоялъ повалившійся караванъ–сарай, и его–то назначили они сборнымъ мѣстомъ своимъ, и, пришедъ туда о–полночь, встрѣтили другъ–друга, и взявъ, кто стрѣлы, кто колчанъ, кто саблю, и вышедъ изъ города

Мамокы, удалились и отправились на Индостанъ, и на пути въ Индостанъ–городъ, залегли и стерегли, грабили проѣзжихъ купцовъ и барышниковъ, и чинили великъ разбой. Къ нимъ же собирались и приставали бродяги, ушедшіе отъ отцовъ и матерей, бѣжавшіе отъ хозяевъ своихъ рабы; и каждому изъ этихъ выходцевъ, коли приставали они къ шайкѣ, давалось, смотря по достоинству его, жалованье. Они разбивали купцовъ и богачей, и было ихъ всѣхъ, этихъ рабовъ–товарищей, двѣ или три сотни человѣкъ. И, разбивая прохожихъ и проѣзжихъ, пресѣкли они путь вовсе, такъ, что караваны болѣе ходить не могли. Наконецъ перепала вѣсть владѣтелю Индостана, Джедай–хану, что разбойники залегли дорогу и что никому отъ нихъ нѣтъ прохода; тогда Джедай–ханъ, собравъ 300 человѣкъ, отправилъ ихъ вмѣстѣ съ посломъ. И посолъ, прибывъ къ Аксакъ–Тимуру, вмѣстѣ съ тремя сотнями своими, сказалъ: «гой, Аксакъ–Тимуръ! длячего ты такими разбоями своими заграждаешь всѣ

пути и дороги?» Тогда шайка Аксакъ–Тимура прибывшаго къ нимъ посла, отрѣзавъ ему голову, умертвила; остальныхъ же всѣхъ, принявъ ихъ въ товарищи, надѣлила многими и великими подарками. Когда же вѣсть эта дошла до Джедай–хана, то онъ, истлѣвая печалію, еще другой разъ посла отправилъ, которому также голову отсѣкли и отправили ее Джедай–хану; а остальныхъ всѣхъ, взявъ и удержавъ опять, приняли въ товарищи. Тогда Джедай–ханъ, отправивъ посла въ третій разъ, велѣлъ сказать: «я награжу серебромъ и золотомъ разбойниковъ этихъ, коли не станутъ болѣе трогать прохожихъ и проѣзжихъ купцовъ». И на это они отвѣчали: «нынѣ казна наша богаче казны ханской; коли ему нужно, то пусть онъ у насъ поживится казной и добромъ». Потомъ, еще нѣсколько времени спустя, дошла вѣсть до Аксакъ–Тимура, будто–бы самъ Джедай–ханъ идетъ, собравшись, съ войскомъ своимъ; и поэтому, чтобы узнать идетъ ли, нѣтъ ли, Джедай–ханъ, Аксакъ–Тимуръ послалъ лазутчика. Лазутчикъ

этотъ, пошедши, увидѣлъ, что Джедай–ханъ идеть самъ впереди, съ тридцатью воинами; и лазутчикъ, продолжая путь свой, присталъ къ нимъ; они же у него спрашивали: «а что, есть ли по дорогѣ разбойники?» Онъ же отвѣчалъ: «никакъ нѣту, не видать; смѣло идите безъ опасности, по этой дорогѣ разбойниковъ нѣтъ». Тѣ, внявъ словамъ этимъ, что разбойниковъ нѣтъ, подумали: «видно–де разбойники нашего прихода испугались и ушли»; сами же продолжали идти впередъ. Соглядатай же, слѣдуя своимъ путемъ, отъ нихъ отдѣлился, и, вышедъ на уединенное, дикое мѣсто, пробрался околицею, и принесъ Аксакъ–Тимуру вѣсть, что идетъ Джедай–ханъ съ тридцатью человѣками. Тогда Аксакъ–Тимуръ приказалъ: «коли такъ, то навьючивайте теперь 30 верблюдовъ», — и въ тотъ же часъ 30 верблюдовъ были навьючены. Въ это время Джедай–ханъ стоялъ на привалѣ, тѣ же проходили супротивъ него. Джедай–ханъ сталъ ихъ распрашивать издалека: «что вы за люди? да не видать ли по пути

разбойниковъ?» Они же отвѣчали: «нѣтъ, не видать». Джедай–ханъ, подошедши къ нимъ, продолжалъ: «гой, какіе же вы люди?» Тѣ же на это спрашивали: «а вы сами, что вы за люди?» Онъ же имъ опять: «мы, коли вы спрашиваете насъ, мы Джедай–ханъ, и вышли искать воровъ». А тѣ отвѣчали: «коли вы такіе, то скажемъ вамъ, что мы купцы; и если вы примите съ нашего товара пошлину, то намъ, держащимъ путь дорожный, было бы хорошо и безопасно торговать». Джедай–Ханъ, призадумавшись немного, приказалъ съ нихъ пошлину взять, сказавъ: «вѣрно они везутъ къ намъ драгоцѣнные и рѣдкіе товары». Тогда люди Джедай–хана, осматривая вьюки, уже почти собрали пошлину, какъ люди Аксакъ–Тимура, напавъ на нихъ одинъ на одного, всѣхъ побили; и когда благородный эмиръ Тимуръ самъ схватилъ Джедай–хана, чтобы убить его, то этотъ сказалъ: «о, гой, Аксакъ! я тебѣ сдѣлалъ добро, а ты мнѣ дѣлаешь худо и хочешь лишить меня жизни!» Тогда Аксакъ–Тимуръ сказалъ: «ты безпеченъ, а

я остороженъ; ты самъ себѣ зла не учинишь, да и я также самъ себя не обойду». Сказавъ это, убилъ его, отрубивъ ему голову. И потомъ Аксакъ–Тимуръ, пошедъ въ городъ Индостанъ, сдѣлался тамъ ханомъ; прочимъ же воинамъ своимъ приказалъ чрезъ нарочнаго слѣдовать туда окольными путями. И лишь только вѣсть эта дошла до сподвижниковъ его, какъ они, скоро–на–скоро собравшись, вошли въ городъ и заняли его. И тогда слѣдовавшее за Джедай–ханомъ войско его, не зная ничего о происшедшемъ дѣлѣ, кидалось туда и сюда, чтобы настигнуть хана своего; побродивши же, и не настигнувъ его нигдѣ, потеряли терпѣніе и воротились. Увидѣвъ же, что городъ занятъ уже Аксакъ–Тимуромъ, не знали вовсе, что имъ дѣлать, и Аксакъ–Тимуру покорились. Итакъ, вотъ какимъ–образомъ, говорятъ, Аксакъ–Тимуръ занялъ городъ Индостанъ; и напутствовала его при этомъ помощь всемогущаго Бога. И онъ (Аксакъ) былъ орудіемъ Божіимъ при завоеваніи городовъ и царствъ, и низверженіи владѣтелей. Все

дурное и все хорошее бываетъ только властію и опредѣленіемъ Божескимъ; и кромѣ какъ по соизволенію его, ничего случиться не можетъ.

И потомъ Аксакъ–Тимуръ этотъ, пошедши съ войскомъ своимъ, не оставилъ ни одного владѣнія незанятымъ; а съ помощію всемогущаго Бога подчинилъ себѣ весь міръ. Еще же да не останется въ неизвѣстности, что у высокопочтеннаго Аксакъ–Тимура было два сына; первый назывался Сафи, а другой Уфаи. И старшаго сына своего, Сафи, учредилъ онъ на мѣсто себя ханомъ города Индостана; самъ эмиръ Тимуръ, собираясь съ войскомъ брать Истамбулъ, набралъ огромное ополченіе и тронулся въ путь, навьючивъ множество слоновъ и верблюдовъ казной своей, имѣньемъ и военными припасами, съ воинствомъ безъ счета и безъ числа, съ толпами Индостанцевъ, покрывая хребты горъ множествомъ своимъ. И пришедъ въ городъ Египетскій, и сгубивъ въ битвахъ обоюдно много народа, наконецъ его взяли. Потомъ,

продолжая путь впередъ, на Царьградъ, остановились на одномъ мѣстѣ, и, переночевавъ, стали въ боевой строй. И въ то время былъ падишахъ Цареградскій по имени Шахсултанъ; до него дошла вѣсть, что идетъ–де Аксакъ–Тимуръ и хочетъ завоевать городъ и разорить владѣніе. Ханъ Шахсултанъ, собравъ огромное войско и снабдивъ его оружіемъ и снарядами, послалъ противу Аксакъ–Тимура. Итакъ два воинства эти ночевали одно противу другаго, поставивъ между собою сторожевой отрядъ и ясауловъ. Наутро оба войска сразились и дотого дрались, что войска Аксакъ–Тимура побили наконецъ войско Шахсултана и обратили его въ бѣгство. Тогда войска Шахсултана, пришедъ въ Царьградъ, заперлись и укрѣпились; войска же Аксакъ–Тимура, преслѣдуя ихъ, окружили и обложили городъ, который былъ необычайно крѣпокъ и неприступенъ. И, простоявъ тутъ въ осадѣ пять лѣть, не взяли они ни одного человѣка; ибо восемь стенъ обведено было

вокругъ города, и они не могли взять его никакимъ способомъ.

Когда же Аксакъ–Тимуръ не могъ взять города силою и съ боя, то придумалъ наконецъ такой обманъ: онъ, притворясь хворымъ, натеръ все тѣло свое желтымъ шафраномъ; и весь онъ, и голова и тѣло, все было желтымъ–желтёхонько; потомъ написалъ письмо: «Гой, Шахсултанъ! да узнаешь теперь, что срокъ мой нынѣ уже на исходѣ. За злые грѣхи мои все тѣло мое уподобилось желтому шафрану. Покидая теперь всѣ воинственныя затѣи свои, умоляю тебя, будь милосердъ, прости меня въ грѣхахъ моихъ». И, написавъ это, отправилъ своего бирюча. И посолъ этотъ, пріѣхавъ, сталъ у воротъ градскихъ и извѣстилъ о томъ, съ чѣмъ былъ посланъ; и принявъ у него письмо, отнесли Шахсултану. Шахсултанъ, посмотрѣвъ, увидѣлъ, что это ложь и обманъ; не повѣривъ этому, и чтобы убѣдиться въ болѣзни этой, отправилъ своего человѣка, сказавъ: «поди и посмотри». И посланный отъ Шахсултана, вошедши въ шатеръ

Аксакъ–Тимура, увидѣлъ, что Аксакъ, будучи болѣнъ желтухою, лежалъ обезсиленный. Тогда Аксакъ–Тимуръ сказалъ ему: «гой, посланецъ, состояніе мое отчаянное!» Посланный возвратился къ Шахсултану и разсказалъ ему, что тотъ болѣнъ, при послѣднемъ издыханіи и говорилъ: «если–де вы ему окажете милость и прійдете, то онъ хочетъ просить прощенія вашего, о чемъ крайне васъ умоляетъ». Шахсултанъ, повѣривъ словамъ его, велѣль растворить всѣ ворота городскіе, а самъ, выступивъ съ войскомъ, пришелъ къ Аксакъ–Тимуру. Повидавшись съ нимъ, поздоровавшись и разговорившись, Аксакъ–Тимуръ выздоровѣлъ, всталъ, схватилъ Шахсултана и убилъ его; а рать и войско его пошли между–тѣмъ въ городъ. Такою хитростію занялъ онъ городъ этотъ и подчинилъ себѣ владѣніе, и самъ остался тамъ нѣсколько лѣтъ. Оттуда, изготовивъ войско свое, пришелъ онъ въ городъ Шамаху, взялъ его и подчинилъ себѣ; тамъ пришелъ въ городъ

Хаджи–Тарханъ,(*) и, взявъ его съ бою, подчинилъ себѣ и проживалъ тамъ лѣтъ пять или шесть. Потомъ, для похода въ городъ Булгаръ, изготовивъ и насушивъ многое множество сухарей, на судахъ отправился туда. Войска его шли частію берегомъ; счета же войскамъ его, никто, кромѣ Бога, не зналъ. Съ такимъ–то огромнымъ ополченіемъ онъ пришелъ на мѣсто. Въ то время ханъ города Булгара, назывался Абдулла; когда же вѣсть дошла до него, что идетъ–де Аксакъ–Тимуръ, то Абдулла–ханъ, собравъ также огромное войско, пошелъ противъ него, и оба, встрѣтившись, вступили въ жестокій бой. Наконецъ, не устоявъ противу натиска Аксакъ–Тимура, были они побѣждены и отступили въ городъ Болгаръ; что было побито, то было побито; остальные жь заперлися въ городѣ. Аксакъ–Тимуръ, подошедши, обложилъ городъ и стоялъ семь лѣтъ. Это было въ восьмисотомъ году (хотя такъ пишутъ, но тутъ должна быть погрѣшность), до 20–го числа мѣсяца

(*) Астрахань.

Зульходжа, когда наконецъ городъ Болгары былъ взятъ и разоренъ. Тамъ было тогда 124 большихъ бековъ; убивши ихъ, Аксакъ–Тимуръ полонилъ женъ ихъ, которыя были такъ хороши, какъ одинокая жемчужина въ раковинѣ своей. Въ числѣ убитыхъ бековъ этихъ было четыре знатныхъ, царской крови; одного имя было: Избекъ–бекъ, другаго Кулъ–Галли–бекъ, третьяго Хуаши–бекъ, четвертаго Миркаши–бекъ. Тамъ же погибло множество народа и самъ Абдулла–ханъ былъ убитъ. А у Абдуллы–хана было два сына: первый Алтынъ–бекъ, второй Алимъ–бекъ. Одинъ былъ девяти, другой семи лѣтъ; нѣсколько человѣкъ, спасшіеся отъ общей гибели, схоронили Алтынъ и Алима–бековъ въ глубину лѣса, и тамъ ихъ старательно содержали. Потомъ Аксакъ–Тимуръ, разоривъ и разграбивъ городъ Болгары, отправился къ городу Буляру и, пришедъ туда, окопался и стоялъ спокойно, не бился. Въ городѣ Булярѣ въ то время былъ ханъ Саметъ, ханша Бызкабанъ, а народъ назывался Барачъ. Въ древнее время народъ Барачъ поселился

было на устьѣ рѣки Зый. Во времена великановъ пришелъ змій, по имени Барачъ, и сталъ чинить много бѣдъ и опустошеній въ поименованномъ городѣ; народъ вышелъ весь и сразился съ нимъ, но побѣдить его не могъ и, наконецъ, покинувъ городъ свой, ушелъ; подошедши же близко города Болгаръ, основалъ городъ свой на рѣчкѣ Буляръ, и городъ этотъ назвали Буляръ, а всему народу дали, по этой причинѣ, названіе Барачъ.

Итакъ, Саметъ–ханъ сказалъ: «о, народъ Барачскій! въ древнія времена славные дѣды наши, ушедши отъ обидъ и разореній змія Барача, и, покинувъ свой городъ, пришли сюда и основали здѣсь жилье и мѣсто свое; нынѣ же сильнѣйшій змія Барача, Аксакъ–Тимуръ, сталъ передъ городомъ нашимъ; что же станемъ дѣлать?» Тогда народъ Барачскій воззвалъ: «О, ханъ нашъ, сами вы знаете, что ваша власть и воля, и что ваша рѣчь впереди; у насъ же воли своей нѣтъ. И если прикажешь, то съ войскомъ Аксакъ–Тимура будемъ драться; либо побьемъ, либо насъ побьютъ». Такъ

они говорили. Тогда Саметъ–ханъ сказалъ: «при мнѣ есть одинъ святой человѣкъ; его спрошу: что прикажетъ, отъ того не отступлю». И позвавъ того святаго, спросили его, сказавъ: «о, великій мужъ! драться ли намъ теперь съ наступившимъ на насъ и на городъ нашъ Аксакъ–Тимуромъ?» И святой мужъ, сказавъ: «ладно, я погляжу», полѣзъ на вершину каланчи, и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ было войско Аксакъ–Тимура, и увидѣлъ тамъ, что съ войскомъ Аксакъ–Тимура былъ самъ пророкъ благословенной памяти Ильясъ. И сошедъ съ минара, пошелъ святой тотъ къ Саметъ–хану: «о, ханъ мой, сражаться тебѣ нельзя, потому–что съ войскомъ Аксакъ–Тимура пророкъ благословенной памяти, Ильясъ; отворяй ворота, и поручай себя волѣ и опредѣленію великаго Бога!» Тогда зарыдали и ханъ и народъ, и сказали: «что станемъ дѣлать? надо ввѣриться, отдаться на волю Всеистиннаго, Пречистаго, Всевозвышеннаго!» И растворили всѣ ворота, и предались ему во власть. Потомъ

благочестивый эмиръ Тимуръ вступилъ съ войскомъ въ городъ и вырѣзалъ народъ; по вечерамъ же, измѣнивъ видъ свой, самъ ходилъ лазутчикомъ между народомъ, и говорилъ: «о, народъ, отколѣ взялась на васъ напасть эта?» И если одинъ изъ толпы на это отвѣчалъ: «развѣ не знаешь ты, отколѣ бѣда эта взялась? какой–то хромой–Аксакъ пришелъ и разорилъ насъ»; то Аксакъ на другой день призывалъ таковыхъ и казнилъ ихъ. Если же кто отвѣчалъ: «мы наказаны за великіе грѣхи и неправду нашу» тогда Аксакъ–Тимуръ таковаго, не ограбивъ и не казнивъ, отпускалъ на волю со всѣмъ родомъ его и домочадцами. И однажды пошедши такимъ же образомъ испужать народъ, благочестивый Аксакъ–Тимуръ сказалъ: «о, народъ Барачскій, отколѣ взялась бѣда эта?» И ему на это отвѣчали: «развѣ не знаешь, что какой–то Аксакъ (хромой) пришелъ и разорилъ насъ?» И между ними была вдова одного знатнаго бека, женщина умная; она сказала: «О, народъ! намъ должно признать бѣдствіе это карою за

грѣхи и беззаконіе наше; если бы нетакъ, что бы могь намъ сдѣлать этотъ Аксакъ–Тимуръ? Но видно былъ таковъ завѣтъ Всевышняго, Всемогущаго Бога!» Мужъ женщины этой былъ Джадышъ–бекъ, умершій еще до прихода Аксака; отъ него осталось два сына: одинъ Инсанъ, другой Ихсанъ. На другой день Аксакъ–Тимуръ позвалъ женщину эту съ обоими сыновьями ея; они же, зная, длячего ихъ зовутъ, говорили: «убьютъ насъ!» и пришли плачучи. Тогда Аксакъ–Тимуръ сказалъ вдовѣ этой: «ты знаешь, что зло и бѣда эта отъ грѣховъ вашихъ, ты сама говоришь: всякое дѣло отъ дѣлъ нашихъ; теперь отъ сегоднишняго дня, прощаю я тебя и дѣтей твоихъ, и родныхъ твоихъ; идите туда, куда вамъ любо, куда хотите.» Самъ же объявилъ по всему войску, чтобы женщины этой никто не трогалъ, добра ея никто не грабилъ, ни одной вещи ея изъяна не чинилъ, зато, что она знаетъ, что бѣдствіе это послано за собственное беззаконіе; «поэтому–де я и даровалъ свободу ей съ дѣтьми и со всѣми родственниками ея».

Тогда оба бека Ихсанъ и Инсанъ держали совѣтъ о томъ, куда имъ переселиться. Тогда Инсанъ сказалъ: «о, мать моя! пойду я на внутреннюю сторону большой рѣки, на гористую землю; тамъ займу я мѣсто, и поселюсь, длятого, что тамъ мѣстоположеніе самое крѣпкое и неприступнѣе всѣхъ другихъ земель»; и слова эти мать его взлюбила, и дала согласіе свое. Но меньшой братъ его, Ихсанъ, не соглашаясь идти этимъ путемъ, сказалъ: «а я пойду на старое, дѣдовское мѣсто, на рѣкѣ Зыѣ и тамъ поселюсь». Инсанъ же, сказавъ: «я не пойду туда», отдѣлился и пошелъ вмѣстѣ съ матерью своею въ горы, и поселился вдоль по рѣкѣ Кубани и тамга ихъ была птичья голова, а прозваніе Барачъ.

Теперь станемъ опять говорить про Аксакъ–Тимура. Онъ, благочестивый Аксакъ, разоривъ городъ Боляры, пошелъ по пути на Москву, и, пришедши съ войскомъ своимъ до города Владиміра, готовился къ битвѣ. О ту пору былъ Русскій ханъ Михаилъ; услышавъ, что

эмиръ Тимуръ беретъ города и разоряетъ ихъ, собралъ онъ, въ крайней боязни, всѣ войска свои въ пограничный городъ Владиміръ. Наконецъ, когда Аксакъ–Тимуръ достигъ города Владиміра и изготовился въ бой, то пришелъ къ нему ходжа Иліясъ, блаженная ему память, и сказалъ: «время сражаться съ Русскими, для тебя еще не наступило»; итакъ Аксакъ–Тимуръ, длятого, что срокъ сражаться съ Русскими ему не пришелъ, воротился назадъ съ войскомъ своимъ и пошелъ въ городъ Бохару. На пути этомъ узнали, въ землѣ Кыя, двое кочующихъ хановъ Аметъ и Саметъ, услышали о томъ, что онъ идетъ; и такъ, зарѣзавъ яловую кобылу, собрали они совѣтъ: по какому пути имъ откочевать? Въ народѣ этомъ толку не было никакого; люди сошлись: кто хвалитъ коня, кто собаку, кто жену, которую за себя взялъ; тамъ мясо и яства поѣли и безъ всякаго толка разошлись. Тогда одинъ человѣкъ, по имени Кинджа, восплакавъ, сказалъ: «Ой, бѣда, да и только! была тьма народу, а толку никакого; а коли собралось

бы нашихъ человѣкъ сорокъ, такъ сдѣлали бы мы дѣло. Гой, бѣда, да и только! такъ ли дѣлаютъ дѣло? умный разумѣетъ, безумный зубы скалитъ; собравшись для совѣта, одинъ сталъ хвастать конемъ, другой собакой, третій женою, и, ничего не сдѣлавъ, поѣли и разошлись. Воистину это будетъ причиною гибели нашей, и гибель наша близка.» Далѣе этотъ Кинджа говорилъ: «гой, народъ! коли мы отселѣ уйдемъ, а вы останетесь, то пусть условнымъ сборнымъ мѣстомъ нашимъ будетъ рѣка Куй, на вершинѣ Ай, у большаго кургана; мы пойдемъ въ ту сторону.» Не успѣлъ онъ высказать этого, какъ всадникъ, загнавшій коня въ бѣлую пѣну, наскакавъ, съ крикомъ, шумомъ и внѣ себя возопилъ: «гой, ханъ нашъ! непріятель здѣсь! Аксакъ–Тимуръ слѣдомъ за мною идетъ!» Такое–то извѣстіе привезъ вершникъ. Ханъ первый кинулся бѣжать и закричалъ только народу: «я стану на большихъ камышахъ!» Наконецъ ханъ и народъ откочевали; одна старуха, собирая впопыхахъ кибитку свою, оглянулась, и

шапка съ нея свалилась; въ это же время ѣхалъ мимо ея мальчишка, на однолѣткѣ, держалъ самъ укрюдъ съ арканомъ у локтя, а въ торопяхъ везъ порожнюю деревянную посуду. Мальчикъ хотѣлъ поднять шапку и подать старухѣ; сѣдло его подвернулось, однолѣтокъ началъ бить; весь табунъ шарахнулся; народъ пометался, кто сюда, къ сосуну, кто туда, въ табунъ, — и тѣ, которые ничего не знали, кричали: «непріятель набѣжалъ»! Народъ перепугался и — у кого голова на плечахъ, спасая голову, кинулись бѣжать во всѣ стороны. Тогда войско Аксакъ–Тимура, настигнувъ бѣгущихъ, окружило хана и народъ его и остановило ихъ. Кого побили, такъ побили; опустошеніе чинили великое, и войска Аксакъ–Тимура, настигнувъ самаго хана, привели его предъ Тимура. Этотъ имъ сказалъ: «гой, Аметъ и Саметъ! избавьте сами себя отъ огня адскаго, а головы свои отъ лезвея сабли! повинитесь предо мною и примите вѣру мусульманскую!» Послѣ такого увѣщанія, тѣ спросили: «гой, Аксакъ–Тимуръ! коли

мы примемъ мусульманство, то отдашь ли ты намъ народъ нашъ?» Тогда имъ на это Аксакъ–Тимуръ: «коли вы будете правдивыми мусульманами, и сказавъ: нѣтъ Бога, кромѣ одного только Бога и Мухаммедъ его посолъ, — будете истинно вѣровать единству Всевышняго Бога и пророкамъ его, да по пяти разъ въ день отдавать молитву, да 30 дней въ году поститься, да учинять омовеніе, очищать имущество свое податью, закатомъ; да если достанетъ силъ вашихъ, сходите къ Божьему храму Аврвали, и обойдете его кругомъ, и, покинувъ монгольство свое, сдѣлаетесь настоящими мусульманами, тогда и васъ самихъ и народъ вашъ не трону.» И вслѣдъ за тѣмъ всѣ сдѣлались мусульманами.

Благочестивый Аксакъ–Тимуръ, пробывъ самъ у кочующаго народа этого года два учителемъ вѣры мусульманской, заставилъ ихъ познать ее вполнѣ; потомъ, простившись, обще съ войскомъ своимъ, ушелъ; а тѣ, сдѣлавшись мусульманами, остались и перекочевывали ежегодно съ

мѣста на мѣсто. А онъ, пошедши къ городу Бохарѣ и взявъ его, взялъ также Ташкендъ и Яркендъ, и, подчинивъ себѣ эти владѣнія, пошелъ на Самаркандъ и его также взялъ; но только настигло его предопредѣленіе Всевышняго: отшелъ онъ отъ бреннаго міра сего, во время пребыванія своего въ Самаркандѣ; на могилѣ жь его возвели каменное зданіе, поставивъ на немъ шаръ изъ золота да изъ серебра.

В. ДАЛЬ.